

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

Прот. И.Л. Янышев

**Несветлые стороны нашей церковной
жизни**

Опубликовано:

Христианское чтение. 1868. № 1. С. 146-183.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

НЕСВЕТЛЫЯ СТОРОНЫ НАШЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ.

(изъ епархиальныхъ вѣдомостей)

Две статьи, одновременно (отъ 1-го ноября 1867 г.) появившіяся въ разныхъ епархиальныхъ вѣдомостяхъ, одна: *о чтеніи въ Церкви и церковномъ лѣніи*, во Владимирахъ, другая: *замѣтки для священно-церковно-служителей изъ наблюдений одного сельскаго блаочинна*, въ Вологодскихъ, останавливаютъ на себѣ особенное вниманіе. Изъ первой можно видѣть, какъ нашимъ православнымъ народомъ мало еще усвоены христіанскія понятія и начала жизни; вторая свидѣтельствуетъ, чего еще недостаетъ самому духовенству, чтобы оно могло содѣйствовать этому усвоенію. „Каковъ попъ, таковъ и приходъ“, говорить наша народная пословица; но столько же вѣрна и обратная мысль: „каковъ приходъ, таковъ и попъ“. Судить и осуждать кого либо въ этомъ случаѣ трудно, да и было бы безилодно. Несомнѣнно то, что если русской народъ имѣеть свою лучшую духовную, а съ нею и материальную будущность, то этого лучшаго онъ можетъ достигнуть только чрезъ церковь, при содѣйствіи Ея служителей. Народъ воспитывается отъ вѣрою; а вѣра дается прежде всего словомъ;

кто не слышалъ евангельского ученія, то есть, не понялъ и не усвоилъ его по мѣрѣ данныхъ силъ, тотъ не можетъ быть христіаниномъ: истины — такія общеизвѣстныя и простыя, что, кажется, къ чему ихъ и повторять? А между тѣмъ намъ нужно не только повторять ихъ, но и доказывать и непрестанно напоминать; мы видимъ миллионы крещеныхъ людей, среди которыхъ цѣлые столѣтія существуютъ православные храмы съ причтами при нихъ и Богослуженіемъ въ нихъ, и которые, посѣщаю даже эти храмы и присутствуя при Богослуженіи, все еще не научились сосчитать хотя бы того, сколько у нихъ боговъ, сколько богородицъ, которые не вдругъ отвѣтятъ на вопросъ: масляница не есть ли также Богъ, — а о молитвѣ, хотя бы только Господней, и спрашивать ихъ паче. Что же это значитъ, въ самомъ дѣлѣ? И въ самой дурной школѣ че-му-нибудь да можно же научиться, если тамъ учитель хотя чему-нибудь да учитъ. За чѣмъ же эти люди ходятъ въ церковь, что они тамъ дѣлаютъ и что оттуда выносятъ? На это отвѣтять предлагаемыя упомянутыя статьи, которыя мы позволяемъ себѣ перепечатать лишь съ небольшими сокращеніями. Дай Господи, чтобы подобные, истинно полезные и благовамѣренныя голоса, по всѣмъ концамъ православной Россіи и особенно по нашимъ духовно—и недуховно—учебнымъ заведеніямъ раздавались непрестанно и напоминали бы намъ, какъ мы, учась повидому многому, не доучиваемся на самомъ дѣлѣ до азбуки сознательной жизни. Доколѣ мы—служители церкви—не воспитаемъ себя на столько, чтобы напр. читая молитву въ слухъ, читать такъ, чтобы наши слова можно было явственно разобрать, или,—приходя въ храмъ Божій, вести себя какъ слѣдуетъ че-

ловѣку, сознательно пришедшему для молитвы и слушанія слова Божьяго,—дотолѣ, чemu бы мы ни учились, нѣть и не можетъ быть никакой надежды на развитіе православнаго народа церквию,—дотолѣ и раскольники, и магометане, и евреи, и особенно западное духовенство, нынѣ и въ Россіи начинаящее по русски совершать свое Богослуженіе и проповѣдывать, по ихъ совѣсти будуть считать себя въ правѣ искать вліянія на нашъ безграмотный народъ, ничему не могущій научиться въ своей церкви, и даже на очень грамотное общество, часто не менѣе народа жаждущее слова истины и церковной молитвы,—молитвы хотя бы неразвлекаемой явною небрежностію служащихъ и неблагоговѣніемъ предстоящихъ.

О чтеніи въ церкви и церковной проповѣди.

Разумѣши ли, яже чтеши?
(Лв. VIII, 30).

При слушаніи первовнаго чтенія, намъ не разъ приходилось повторять (про себя, разумѣется) вопросъ Филиппа евнуху царицы Кандакіи: *разумѣши ли, яже чтеши?*

Пока поютъ, вы замѣчаете еще нѣкоторое вниманіе въ предстоящихъ. Они еще внимають стройному пѣнію, восхищаются и умиляются имъ; слушаютъ, пожалуй, и безобразное пѣніе и подсмѣиваются, — особенно это можно замѣтить въ людяхъ, именующихъ себя образованными. Но вотъ напр: начинается чтеніе шестопсалмія,— вы видите, что одни вачцаютъ перешептываться, заглядывать по сторонамъ, заглядывать подъ шляпки и

шапки, смотрять на часы — сколько дескать времени продолжится чтение шестопсалмія. Такъ ведеть себя одна половина предстоящихъ,—это образованный классъ. Эти люди мнуть про себя, что имъ давно уже извѣстно все то, что читается въ церкви, что они пришли въ церковь и не выходятъ изъ нея больше для приличія, что они своимъ присутствіемъ дѣлаютъ честь и украшеніе церкви... Другая половина, люди простые, люди одной вѣры, забившись гдѣ нибудь въ уголокъ, просять Бога и святаго, которымъ поставили свѣчу, просять и благодарять всякий по своему, о семъ и за свое (¹). Начинается чтеніе „каеизмъ“,—и еще не внимательнѣе слушаютъ предстоящіе это чтеніе. Такъ, въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ церквяхъ, при совершенніи богослуженія, можно увидать ту же картину, какую нарисовалъ соборъ 1666—67 гг. „читаютъ и поютъ въ два, въ три голоса, разговариваютъ о суетныхъ и привременныхъ попеченіяхъ, кланяется всякий своей иконѣ“ (теперь только изъ дома не приносятъ иконъ) и пр.

Гдѣ же въ нашей церкви единство, то единство, котораго желалъ Единородный Сынъ Божій? Гдѣ то единомысліе, единство сердца и усть, о чёмъ такъ по-

(¹) Вотъ вы слышите изъ одного угла учащеніе: „Господи Иисусе“; изъ другаго: „Мать Божія Богородица, Вавдимірская, Скорбящая, Неопалимая Купина“!... „Никола Милостивый сохрани насъ отъ водяной потоши“; изъ третьяго: „Алоръ Лаверъ, батюшка, попаси нашихъ лошадокъ отъ лихаго человѣка“! а Власій Недосій защити нашихъ коровъ отъ мороваго повѣтрія! По народному вѣрованію Хлоръ—Лаверъ одно лицо и есть не что иное, какъ коневій богъ. Власій—Недосій тоже многими считаются за одно лицо за бога коровъ. Народъ потому, быть можетъ, и присоединилъ къ Власію Недосію, что они часто рисуются на одной иконѣ и имена ихъ подводятъ подъ ризу. Бываютъ и не такихъ молитвы: иногда молятся „Николѣ милостивому“, чтобы онъ послалъ мужику обѣлатъ какое нибудь безчестное дѣлце. „Вынеси только, угодникъ Божій, рублеву свѣчу поставилю“!

стоянно молить православная церковь и къ чему приглашаетъ всѣхъ православныхъ христіанъ, предстоящихъ во храмъ? Гдѣ тотъ страхъ и трепетъ, съ которыми должны предстоять въ храмъ православные христіане, когда мы нерѣко не видимъ и прѣстаго приличія?..

Но здѣсь виновны не одни предстоящіе, а и творящіи съ небреженіемъ дѣло Божіе. Они не только что оскорбляютъ Бога, но соблазняютъ и своего брата. Иной и желалъ бы помолиться вмѣстѣ съ церковію, да нѣтъ возможности: *ничемъ не разберется и не пойметъ.* Тутъ уже по необходимости всякий будетъ справлять свою службу. Религіозное чувство всегда такъ или иначе желаетъ выказатьсь предъ Богомъ. Тѣ же изъ предстоящихъ, которые легко смотрять на церковное богослуженіе,—еще легче, еще небрежнѣе начинаютъ относиться къ этому дѣлу, когда видать, что сами предстоятели считаютъ церковную службу дѣломъ официальнымъ, когда стараются только выполнить такъ или иначе уставъ. А другая половина предстоящихъ, люди вѣрующіе въ простотѣ сердца и мнящиѣ достигнуть оправданія и святости одною виѣшністю, люди принимающіе средства къ оправданію и освященію за самую дѣль,—люди эти находятъ подтвержденіе своихъ ложныхъ мнѣній въ такомъ небрежномъ совершенніи богослуженія. Хожденіе въ церковь и стояніе при неразборчивомъ и непонятномъ чтеніи, а подъ часъ, и пѣніи принимается ими за подвигъ благочестія. Они слышать, что нужно ходить въ церковь, что безъ церкви нельзя спастись; они и ходятъ и стоять тамъ безъ всякаго участія въ общихъ молитвахъ церкви, и думаютъ, что это-то и есть подвигъ и средство ко спасенію. При

такомъ убѣжденіи у нихъ очень естественно можетъ родиться и действительно рождается вотъ какого рода мнѣніе: если самое стояніе при чтеніи отъ „божественныхъ писаній“ ведеть ко спасенію; то, стало быть, гдѣ дольше стоять и больше читаютъ, тамъ скорѣе можно достигнуть праведности, а пожалуй, и святости. Но гдѣ дольше стоять, больше и даже чинѣ читаютъ, какъ не у раскольниковъ? Что читаютъ, это имъ все равно лишь бы то было только отъ „божественныхъ писаній“. Такой взглядъ давно укоренился въ нашемъ народѣ (¹).

Кромѣ того, что небрежное чтеніе служить одною изъ причинъ охлажденія къ св. церкви; оно же служить, одною изъ причинъ къ поддержанію языческихъ суевѣрій въ нашемъ народѣ. Это, во первыхъ, вотъ какъ бываетъ: народъ нашъ, участвуя при церковномъ богослуженіи и не имѣя возможности молиться по молитвамъ церкви, справляется въ церкви свою службу. Но всякому известно, что народныя молитвы носятъ на себѣ языческій характеръ, болѣе или менѣе прикрытый

(¹) Намъ привелось разъ слышать торжественное признаніе одного православнаго въ томъ, что онъ ходить въ церковь, чтобы послушать отъ Бож. Писаній и что это „больно полезно“. „А что тамъ читается, понимаешь? — нетъ. За чѣмъ же ты ходишь, когда не понимаешь? — Да полезно. — Что же тутъ полезнаго? — Всѣ такъ говорятъ. .. Тебѣ скажутъ, что въ воду полезно деньги бросать, ты бросишь? — Нѣтъ. .. Почему? — Они зря пропадутъ. — А въ церковь даешь деньги? — Даю. — Можетъ быть и такъ они зря (напрасно) пропадаютъ. .. Нѣтъ: тамъ читаютъ слово Божіе. — Да вѣдь ты не понимаешь? Нѣтъ. — Ну что, если вотъ теперъ тебѣ почитаютъ изъ слова Божія, ты подумаешь, что это тоже полезно тебѣ будетъ и дашь денегъ? — Да. — Одинъ изъ бывшихъ въ этомъ собраниі раскрылъ Библію и началъ читать X гл. изъ книги Бытія, гдѣ, какъ известно, рассказывается о потомствѣ Ноевыkhъ сыновъ. По прочтеніи, мужикъ, ни слова не говоря, вынимаетъ и даетъ чтецу три копѣйки. „За что ты даешь? — За то, что ты читаешь изъ божеств. писаній. — Да ты понялъ ли чтонибудь? — Нѣтъ, ничего! Полезно, значитъ одно чтеніе ..

христіанствомъ, т. е. языческія понятія прикрываются христіанскими именами, лицами и событиями. Такъ всѣ свойства и качества древнихъ божествъ Перуна, Волоса и пр. народъ перенесъ на св. пророка Илію, св. Власія и проч. Далѣе—народъ выхватываетъ изъ чтенія только отдельные слова и фразы и понимаетъ ихъ по своему полуязыческому воззрѣнію, чего, разумѣется, не могло бы быть, если бы народъ разслушивалъ и понималъ все прочитанное. Чрезъ это полуязыческія понятія получаются нѣкоторымъ образомъ санкцію на свое существованіе: народъ думаетъ, что самое божес. писаніе говорить то же самое, что у него на умѣ.— Это второе. Въ третьихъ: народъ, думающій, что спасительная сила находится въ самыхъ словахъ, написанныхъ или произнесенныхъ, не понятыхъ и не усвоенныхъ ви умомъ пя сердцемъ,—считаетъ эти слова за нѣкіе талисманы, имѣющіе магическую силу. И чѣмъ хитрѣе, чѣмъ непонятнѣе слово, тѣмъ оно кажется сильнѣе и привлекательнѣе. Такъ народъ нашъ привѣшиваетъ на крестъ многіе тексты изъ Библіи, написанные на лоскутѣ бумаги, чтобы избавиться отъ лихой бальсти; чтобы найти покражу и устигнуть вора, читаются: Отче нашъ „наизворотѣ“, т. е. начиная съ послѣдняго слова: отъ лукаваго насть но избави и проч. Чтобы отомстить своему врагу читаютъ псаломъ 108: *Боже хвалы моей не премолчи и до конца.* Пожалуй нѣкоторые скажутъ, что произнесеніе священнаго текста, особенно произнесеніе вѣкоторыхъ словъ, какъ напр. бож. имени „Іисусъ“, можетъ имѣть чудотворную силу: произнесеніемъ имени Іисуса Христа изгоняются бѣсы; виѣшнее начертаніе этого достопокланяемаго имени и начертаніе креста тоже могутъ имѣть спаси-

тельное дѣйствіе. Мы совершенно согласны, что достопокланяемое имя Іисусъ и крестъ Христовъ могутъ оказывать сверхъестественную силу; но только тогда, когда произносящій и начертывающій ихъ на себѣ будетъ имѣть въ своемъ умѣѣ правильное понятіе о нихъ, когда онъ имѣть ихъ уже начертанными въ своемъ сердцѣ, и воздаетъ имъ должное чествованіе не словами только и видѣшнотю, но дѣлами по внутреннему человѣку. Мы знаемъ, что крестъ начертывался и изображался и прежде распятія Христа и послѣ многими неправовѣрующими и язычниками. Его изображали и на одеждахъ и на украшеніи домашней утвари, на немъ распинали—и все это было и прежде и послѣ распятія Христова. Стало быть, можетъ имѣть спасительное дѣйствіе не вообще „крестъ“, но только „крестъ Христовъ“. Мы знаемъ также, что достопокланяемое имя Іисусъ Христосъ произносили и произносятъ, начертывали и теперь изображаютъ многіе невѣрующіе въ него и многіе неправовѣрующіе; но въ ихъ устахъ и начертаніяхъ это имя не имѣть никакой спасительной силы ни для нихъ, ни для другихъ; мало того, невѣрующіе и неправовѣрующіе произнесеніемъ и начертаніемъ бож. имени Іисусъ могутъ себѣ только вредъ причинить: потому что въ ихъ сердцѣ нѣть должнаго вниманія и благоговѣнія къ этому бож. имени. Мы знаемъ изъ книги Дѣяній Апостольскихъ, что невѣрующіе во Христа іудеи думали было употреблять Его бож. имя для заклинанія духовъ нечистыхъ, думали воспользоваться этимъ именемъ, какъ пѣкіемъ таинственнымъ талисманомъ, и что же вышло? Когда, скажемъ словами книги Дѣяній, начаша нѣцыи отъ скитающихся іудеевъ заклинателей именовати нада имущими духи лу-

кавыя имѧ Господа Иисуса Христа, глаголюще: закли-
наемъ вы Иисусомъ, Его же Павелъ проповѣдуетъ... Отвѣ-
щавъ же духъ лукавыи, рече: Иисуса знаю и Павла вѣмъ,
вы же кто есте? И скочи на нихъ человѣкъ, въ немъ же
бы духъ лукавыи, и одолѣвъ имъ, укрылся на нихъ, яко
же наимѣ и ураненныи изблѣжати отъ храма онаю
(Дян. XIX, 13, 15, 16). Стало быть, полезно не од-
но произнесеніе имени Госусть, но живая и дѣятельная
вѣра въ Него, какъ въ Богочеловѣка.

Большинство нашего православно-русскаго народа
употребляетъ и до сихъ поръ иѣкоторыя священныя
изображенія и изреченія только съ виѣшней стороны,
только—какъ мы сказали—какъ магическіе талисманы,
замѣнившіе собою древнеязыческія чары кудесниковъ и
жрецовъ. Вы и теперь нерѣдко встрѣтите многихъ бо-
гобоязненныхъ старушекъ, которая, чтобы избавиться
отъ лихоманки (лихорадка) идутъ къ священнику за
тѣмъ, чтобы онъ далъ священной золы, или написалъ
бы какое нибудь мудрое изреченіе. Если эти средства
не отгонять злой болѣзни, то вы увидите тѣхъ же
старушекъ у колдуна (который есть ничто иное, какъ
древне-русскій жрецъ—кудесникъ), который имъ даетъ
вместо мудраго библейскаго изреченія какую нибудь
безмысленную чепуху, въ родѣ „абракадабра“, вместо
золы изъ кадила—сущеную змію и проч. Вы тутъ ви-
дите явное сопоставленіе язычества съ христіанствомъ
и замѣчаете какъ, конечно, между прочимъ, непонятное
чтение въ церкви поддерживаетъ въ народѣ увѣренность
въ спасительное дѣйствіе одной обрядовой виѣшности,
и какъ надъ этою виѣшнотю, которая по своему зна-
ченію должна бы изображать наглядно ту или другую
христіансскую истину и быть средствомъ къ освященію

и оправданію, какъ, говоримъ, подъ покровомъ этой вѣшности доселѣ дышетъ язычество.

Конечно не вездѣ читаютъ съ небреженіемъ. Мы слышимъ въ иѣкоторыхъ церквахъ чтеніе внятное и раздѣльное, въ которомъ можно разслышать каждое слово. Но и тутъ невольно является вопросъ: разумѣютъ ли, что читаютъ? Многіе чтецы, такъ и чувствуется, что не понимаютъ произносимыхъ ими словъ и фразъ: останавливаются безъ всякой запятой, точки прочитываютъ безъ всякой остановки, дѣлаютъ логическое удареніе на союзахъ, чувствуютъ на предлогахъ. Такое чтеніе не многимъ чѣмъ удовлетворительнѣе чтенія неразборчиваго; такое чтеніе пойметъ только тотъ, кто прежде знакомъ съ его содержаніемъ.

Но есть и хорошие чтецы, которые читаютъ со смысломъ и понимають. Понимаютъ ли такое чтеніе предстоящіе, православные христіане? *Како могутъ разумѣть, аще не кто наставитъ ихъ?*... Все прочитанное понимаютъ не многіе, опять тѣ же, которые были прежде знакомы съ содержаніемъ извѣстнаго чтенія или съ содержаніемъ вообще христіанской религії. Большинство же выхватываетъ только отдѣльныя фразы и понимаетъ ихъ по своему личному воззрѣнію. Одинъ вотякъ долгое время прислушивался къ воскресному евангелію отъ Іоанна, 67 зач., и никакъ не могъ понять, что такое тамъ говорится, хотя этотъ вотякъ хорошо говорить по русски. Вотяка этого звали Семеномъ Ивановичемъ. Вотъ онъ разъ и спрашивается священника: „бачька, что это ты все читашь: Семенъ Иванычъ любиши ли меня??“ Положимъ, что это вотякъ, а русскіе правильно ли понимаютъ ясное и раздѣльное чтеніе? Иѣкоторые слова изъ церковно-славянскаго языка ста-

ли уже непонятны для русского человѣка. Многія фразы, подстрочно переведенныя съ греческаго языка, и образованному человѣку трудно уразумѣть, ае то что простолюдину. Слыша отдельныя слова и фразы, народъ простой соединяетъ съ ними свои доморощенныя понятія,—какъ было выше сказано,—уцѣлѣвшія отъ язычества и получившія особенный характеръ отъ влиянія христіанства. Это смышеніе христіанства съ язычествомъ и укрытие языческихъ понятій подъ христіанскою вѣшнотою очень легко случиться впервыхъ потому, что христіанская религія досталась намъ пе на русскомъ языкѣ: догматы вѣры, выраженные съ свойственною въ то время грекамъ діалектическою тонкостю, не могли быть съ точностю передаваемы на славяно-русскій языкъ, бѣдный въ то время, отвлеченными понятіями; развитыя понятія греческаго образованнаго ума не могли уложиться въ умъ тогдашняго русскаго человѣка. Развитыя, на основаніи слова Божія, правила нравственности и приспособленныя къ понятіямъ и складу жизни образованныхъ грековъ, не могли быть ни всецѣло поняты, ни приложены къ понятіямъ и жизни тогдашняго русскаго человѣка, только что начинавшаго вступать въ должное отношеніе къ обществу и государству. Для отвлеченныхъ, возвышенныхъ христіанскихъ истинъ нужно было брать обыкновенныя слова, отвлекать ихъ отъ предметовъ чувственныхъ къ сверхъ-чувственнымъ, отъ понятій языческихъ къ понятіямъ христіанскимъ. Но не многіе тогда могли возвыситься до того, чтобы разговаривать съ своими доморощенными понятіями, выраженными тѣмъ или другимъ роднымъ словомъ. Для русскихъ того времени трудно было уразумѣть подъ своимъ роднымъ словомъ совер-

шенно другое понятіе, и не легко было оставить свое доморощеное понятіе, которое было выработано его собственною жизнью и такъ или иначе всецѣло входило въ жизнь народа.

Далѣе, тогда мало и заботились о томъ, чтобы съ тѣмъ или другимъ словомъ соединялось христіансское понятіе. Достаточно было, если человѣкъ окрещенъ, ходить въ церковь, почитаетъ Бога и св. угодниковъ. Тогда мало обращали вниманія на то, какія понятія русскій человѣкъ соединяетъ съ словами Богъ и св. угодники, какія свойства приписываетъ имъ. Обращали вниманіе только на внѣшнаго человѣка, думали иско-ренить язычество только сокрушениемъ истукановъ, по-свѣчеціемъ священныхъ дубравъ и уничтоженіемъ публично-общественныхъ празднествъ въ честь языческихъ божествъ,—словомъ уничтожали только внѣшнаго идола, внутренній же идолъ оставался безъ вниманія. Вотъ этотъ то внутренній идолъ и досель царитъ въ народныхъ понятіяхъ, прикрывшись христіанской оболочкою. Поэтому многіе изъ православныхъ не могутъ объяснять вамъ, въ какого Бога они вѣруютъ. Христіанскій Богъ, Богъ мира, любви и благости, по народнымъ понятіямъ, есть только грозный судья и каратель. „Бойся Бога, Богъ побѣтъ, божинъка накажетъ“— вотъ первыя и почти единственныя понятія о Богѣ изъ народнаго катихизиса. Не только народъ не знаетъ свойствъ и качествъ Божества, иѣкоторые изъ народа не знаютъ: какъ называть Бога, не знаютъ сколько у насъ боговъ. Тотъ же простолюдинъ, который признавался, что ничего не понимаетъ въ церкви, насчиталъ до четырнадцати боговъ. „Сколько у насъ боговъ?— Да Богъ ихъ знаетъ! Назови хоть одного ? Савдохъ. — Еще:—

Господь, Владычница, Казанская, Михаилъ Архангель, Рождество, Пасха. Святки.—А масляница?—Нѣтъ, масляница не Богъ, сказалъ, подумавши⁴. Мы далеко бы отклонились отъ предмета, если бы стали распространяться о народныхъ полуязыческихъ понятіяхъ, вкравшихся въ христіанство.

Мы выше сказали, что народъ при неразборчивомъ чтеніи выхватываетъ только отдельные фразы, понимаетъ ихъ по своему, и что такія отдельныя и непонятныя изреченія налагають вѣкотораго рода санкцію на существованіе полуязыческихъ повѣрій,—тѣмъ именно, что народъ слышитъ (по своему) въ божественныхъ книгахъ подтвержденіе своихъ понятій; по все это можетъ быть и при разборчивомъ чтеніи, особенно гдѣ встречаются образныя выраженія. Такъ напр. въ образныхъ выраженіяхъ: „солнце праведное, солнце правды“, человѣкъ понимающій будетъ уразумѣвать истинный смыслъ, а человѣкъ неразвитый, никѣмъ не наученный, пойметъ эти образныя выраженія въ буквальномъ смыслѣ, и притомъ же, у него уже есть готовыя понятія о солнцѣ, какъ Богъ (Дажъ-богъ). Еще доселѣ мы можемъ слышать отъ дѣтей молитвенное обращеніе къ солнцу: „солнышко, солнышко! выгляни въ окошечко, твои дѣтки плачутъ, пить Ѵеть просасть“. Равносильныя выраженія, прилагаемыя къ Иоанну крестителю: „Предтеча солнца, денница солнца“, народъ понимаетъ по своему. Не даромъ въ русскомъ народѣ, почти повсемѣстно помнится Иванъ-Купала (древнее обоготвореніе высшаго развитія и проявленія оплодотворяющей силы солнца, съ которымъ слился въ народныхъ понятіяхъ Иоаннъ Креститель).

Въ самыхъ иконахъ народъ видѣтъ (по своему) под-

твржденіе своихъ ложныхъ мнѣній. Такъ напр. на иконахъ Флора и Лавра часто рисуются лошади, и народъ говоритъ, что „Хлоръ Лаверъ коневій богъ“⁴. Св. Илія пророкъ рисуется на огненной колесницѣ, везомой огненными крылатыми конями; народъ говоритъ, что Плья пророкъ и доселѣ еще ѿздить по небу и производить громъ и молнию.

Такъ что же, скажутъ пожалуй, вы говорите о вредѣ дурнаго чтенія въ церкви?... на это давно обратили вниманіе. Вы говорите, что и хорошее чтеніе непонятно для простаго народа, въ слѣдствіе подстрочнаго перевода нашихъ книгъ съ греческихъ и въ слѣдствіе образнаго выраженія,—такъ по вашему не перевести ли вновь богослужебныя книги на русскій языкъ и не ввести ли его въ церковное употребленіе? Не слѣдуетъ ли выбросить образныя выраженія и оставить иѣкоторыя иконы, такъ какъ, по вашему, народъ находитъ въ томъ и другомъ поддержку своимъ ложнымъ воззрѣніямъ? Совершенно мы имѣемъ въ виду другія слѣдствія. Мы только желали бы и смѣемъ думать, что отъ этого будетъ большая польза,—если бы священники, объясняя въ проповѣди св. писаніе, объясняли и значеніе предметовъ находящихся въ церкви и содержаніе церковнаго чтенія и пѣнія. Чрезъ это люди простые, люди внѣшности, будутъ уразумѣвать истинный смыслъ христіанскаго богослуженія; они уже не будутъ считать одну внѣшность достаточнымъ средствомъ для спасенія, такъ какъ усвоеніе внутренняго содержанія христіанскаго богослуженія требуетъ не внѣшняго только участія въ молитвахъ церкви, но болѣе всего—принятія извѣстной истины умомъ и усвоенія сердцемъ. Народныя полуязыческія понятія, которыя суть не что иное, какъ непонятное благоговѣніе

предъ таинственными силами природы и олицетворение этихъ силъ подъ различными виѣшними символами, падутъ сами собой, когда народъ уразумѣеть истинаго Творца и Правителя видимой природы.

Это объясненіе содержанія церковнаго богослуженія не менѣе будетъ полезно и для другой половины предстоящихъ, для современныхъ образованныхъ людей. Люди эти, хвалящіеся знаніемъ, очень мало смыслять во внутреннемъ содержаніи христіанства вообще, и въ частности въ пониманіи внутренняго смысла христіанскаго богослуженія. Оставивши народныя заблужденія, народное благоговѣніе къ виѣшности, благоговѣніе предъ таинственными для простаго человѣка силами, явленіями и даже предметами природы, — люди эти холодны къ христіанству болѣе потому, что знаютъ и видятъ одну виѣшность христіанства, которая для нихъ не имѣеть важности, такъ какъ они не понимаютъ внутренняго содержанія ся. При томъ же они слышатъ изъ другаго угла, что христіанство годно только для необразованныхъ людей, что христіанство теперь уже не современно и проч., и зная христіанство только съ виѣшней стороны, соглашаются съ такими ложными взглядами, — начинаясь либеральничать и либерализмъ ихъ обнаруживается прежде всего въ томъ, что они перестаютъ ходить въ церковь; а если и ходятъ, то держать себя тамъ очень вольно, какъ въ обыкновенномъ мѣстѣ общественнаго собранія. Есть, разумѣется, и очень знакомые съ внутреннимъ содержаніемъ христіанства, и все таки не вѣрющіе ни во что священное; но таковыхъ у насъ на Руси весьма мало; у насъ болѣе либеральничаютъ по наслышкѣ, по модѣ.....

Но позвольте, скажутъ мои собратія, чтобы объяс-

нить всѣ предметы находящіеся въ церкви и употребляемые при богослуженіи и все содержаніе богослуженія: чтенія и пѣнія на всѣ праздники, на всѣ дни во весь годъ, — да для этого не достанетъ времени и десяти лѣтъ?!

Мы не говоримъ, что въ годъ можно все сдѣлать; мы знаемъ только, что некоторые священники священствуютъ въ одномъ и томъ же приходѣ по 15—20—40 лѣтъ, — и все таки не успѣваютъ объяснить ни одной церковной пѣсни, ни содержанія какогонибудь священнаго изображенія; а между тѣмъ некоторые изъ таковыхъ священниковъ очень часто говорятъ къ народу поученія.

Мы не намѣрены распространяться о достоинствѣ и недостаткахъ нашихъ проповѣдей; обѣ этомъ уже довольно было говорено и писано въ духовныхъ и даже въ свѣтскихъ журналахъ. Говорили, что въ большей части нашихъ проповѣдей, писанныхъ на извѣстныя темы и по извѣстному всѣмъ семинаристамъ плану, нравственные выводы бывають натянуты, чувства поддѣльны, — что чувства эти испаряются еще въ то время, когда авторъ пишетъ и выдумываетъ, какъ бы по чувствительнѣе и по рѣзче задѣть за живое слушателей, — испаряются и тогда, когда проповѣдникъ заучиваетъ свое произведеніе, — что очень многія проповѣди „сшины“, т. е. приступъ списанъ изъ одной проповѣди, объясненіе текста изъ другой, нравственное приложеніе — изъ третьей, — что нравственные приложенія неприложимы къ современной народной жизни, такъ какъ онѣ выписываются большою частію изъ греческихъ отцевъ, — что и самые лучшія проповѣди, писанные людьми образованными и для образованного класса, страдаютъ логической сухостью, что проповѣди эти больше годны

для аудиторій, а не для церкви, гдѣ истины христіанскія, принимаемыя умомъ, больше всего должны пониматься и усваиваться сердцемъ и проч. Много разумѣется тутъ справедливаго высказано, особенно на счетъ „шистія“ проповѣдей семинаристами; и вообще много было можно сказать о недостаткахъ нашихъ проповѣдей, но мы имѣемъ въ виду предложить (осмѣлимся сказать такъ) нѣсколько советовъ: какъ можно избѣжать означенныхъ недостатковъ и крайностей въ проповѣдяхъ и какъ составлять священнику проповѣди, чтобы избѣжать тѣхъ затрудненій, которые встрѣчаются при сочиненіи на тему и по извѣстному плану и — главное, чтобы проповѣди имѣли вліяніе на слушателей.

Теперь, какъ каждому извѣстно, простой народъ смотритъ на церковное проповѣдничество, какъ наизвѣстный отдѣлъ праздничаго Богослуженія; другое — какъ на официальную часть священнической должности. Первые во время проповѣди часто молятся и умиляются только одной интонацией голоса проповѣдника, по не многіе стараются понять содержаніе проповѣди. И здѣсь, они думаютъ, одно стояніе и умиленіе полезны и спасительны для человѣка. Если и поймутъ нѣкоторые изъ простаго народа обличенія и увѣщанія проповѣдника, то и въ этомъ мало пользы бываетъ отъ проповѣди. Это во первыхъ потому, что проповѣдникъ высказываетъ обличенія большою частію общія и мало приложимыя къ жизни народа; во вторыхъ, народъ видить въ проповѣди обличеніе книги, а не лица, чувствованіе и сочувствіе радости и горю народа — тоже книги, а не пастыря. По этому мы считаемъ не лишнимъ указать пѣкоторые способы и приемы проповѣдничества, при помощи которыхъ пастырь можетъ вліять на свою паству.

1) Начинайте, прежде всего, объяснять содержание священных изображений во храмѣ, и ихъ истинный смыслъ въ христианствѣ. А то вѣдь многие изъ простолюдиновъ не знаютъ, что за святой изображеніе на иконѣ, которому они молятся и ставятъ свѣчи; многие молятся и ставятъ свѣчи просто иконѣ. Намъ разъ довелось слышать такой разговоръ между двумя простыми женщинами: „ты, никакъ, родимая къ обѣдни, — поставь ко за меня трешникову свѣчу. — Какому образуто? — Да тутъ, какъ войдешь въ бабью то церковь (придѣлъ), — на правой сторонѣ, что лице то большое. — Да тамъ вѣдь три ихъ. — Да той, что на тетушку то Орину похожа — знаешь? — Знаю, знаю. — Ну ей: она сильно (очень) милостива матушка, помогаетъ“⁴. Различные изображенія одного и того же святаго, народъ считаетъ за разныхъ святыхъ. Особенно народъ заблуждается на счетъ иконъ Божіей Матери: „много ихъ заступницъ“, говорить народъ; тутъ, въ представлениі народа множество изображеній одной и той же Божіей Матери, сливается со множественностью самыхъ лицъ Владычицы.

Объясненіе наглядныхъ изображений святыхъ Божіихъ, дѣяній Бога и святыхъ Его можетъ всего удобнѣе напечатлѣть въ умѣ и сердцѣ народа тѣ истины вѣры и жизни, которые чрезъ логические доводы плохо укладываются въ головѣ простолюдина. Извѣстно, что дѣти лучше всего усвояютъ даже сухія научныя свѣдѣнія посредствомъ рисунковъ. Простолюдины въ дѣлѣ вѣры — тѣ же дѣти.

2) Далѣе слѣдуетъ объясненіе священномѣстивія, гдѣ, какъ извѣстно, наглядно изображается наше грѣхопаденіе и все домостроительство нашего спасенія. Объяс-

иеніе священнодѣйствій у насъ есть, но только въ кли-
гахъ; изъ книгъ-то и нужно передавать народу.

3) Послѣ этого слѣдуетъ объяснять содержаніе чте-
нія и пѣнія. Возьмите дневной Апостолъ или Еванге-
ліе и объясняйте текстъ за текстомъ. Возьмите иса-
ломъ изъ часовъ, изъ шестопсалмія, возьмите паремію
(особенно пареміи у насъ прочитываются безъ всякаго
вниманія), объясните ихъ содержаніе, ихъ значеніе въ
В. и Н. завѣтахъ, ихъ приложимость къ церковному
богослуженію. Во всемъ этомъ вы найдете и догматиче-
скія и нравственные истины, а обличенія такъ и выте-
каютъ сами собой, и обличенія удобоприложимыя, ка-
кихъ вы не найдете въ проповѣдяхъ, писанныхъ на тотъ
или другой случай, тѣмъ или другимъ отцемъ и учи-
телемъ церкви: тамъ обличеніе имѣть частный харак-
теръ, частное отношеніе къ известному строю обще-
ства, такому строю, который, быть можетъ, давно уже
миновалъ; здѣсь же, въ словѣ Божіемъ, которое имѣть
характеръ общечеловѣческій и всегда неизмѣнныій, вы
можете изъ общихъ, основныхъ истинъ вывести какую
угодно частную, изъ общихъ обличеній—частное при-
ложеніе. Главное — здѣсь легче всего можно избѣжать
тѣхъ патяжекъ въ приложеніи къ жизни, которыхъ часто
встрѣчаются въ проповѣдяхъ „на текстъ“.

Когда вы объясните содержаніе богослуженія, не об-
щее только,—что вотъ пареміи читаются для того—то,
шестопсалміе и каеизмы имѣютъ такое-то значеніе въ
христіанской церкви,—а когда раскроете все содержа-
ніе церковнаго богослуженія, объясните все неудобопо-
нятное: тогда можно будетъ ожидать, что предстоящіе
внимательнѣе и дѣятельнѣе будутъ участвовать въ об-
щиахъ молитвахъ церкви, будутъ сами требовать отчет-

ливаго членія и объясненія неудобопонятнаго,—будуть считать подвигомъ благочестія не одно слушаніе членія и стояніе при немъ, будуть участвовать при богослуженіи не плотю только, но духомъ и умомъ. Тогда можно будетъ ожидать, что, хотя на время, въ церкви во время богослуженія осуществляется то вожделѣнное единство мыслей и чувствъ, чаяній и желаній, и это временное, во храмѣ, единеніе, мало по малу будетъ переходить изъ храма въ жизнь, изъ временнаго дѣлаться постояннымъ и вѣчнымъ.

Такое умное и сердечное участіе при богослуженіи принесеть еще ту пользу, что предстоящіе не будутъ жаловаться на продолжительность церковнаго богослуженія. Не замѣчали ль вы, читатель, сами надъ собой, что когда вашъ умъ и ваше сердце вполнѣ заняты какимъ нибудь предметомъ, время проходить очень быстро для васъ: вы не замѣчаете, какъ проходятъ цѣлые часы, дни и даже мѣсяцы; но когда вы же сами ничего не дѣлаете и ждете только условнаго часа, чтобы отправиться на службу, въ гости, ждете условнаго часа обѣда (хотя и кушать не желаете),—вамъ тутъ минуты кажутся часами. Когда же вы участвуете по нуждѣ, по офиції, даже по желанію, при чужемъ дѣлѣ, котораго не понимаете и нѣть вамъ возможности понять, когда васъ при этомъ не интересуетъ даже внѣшняя обстановка дѣла; то съ какимъ нетерпѣніемъ ждете условнаго часа для выхода, съ какою досадою смотрите на часы, если только они у васъ есть; если же вы ихъ не имѣете, то какъ часто надѣдаете своему сосѣду, который по несчастію имѣть часы! То же самое бываетъ замѣтно и во храмѣ, разумѣется только въ одной половинѣ предстоящихъ, — считающихъ себя людьми

образованными. Другая же половина молится, по своему, сердечно; но одной сердечной настроенности не надолго хватаетъ при единичной службѣ, которая очень коротка у нашего простолюдина, такъ какъ онъ въ немногихъ словахъ можетъ высказать свои незатейливыя желанія. Высказавши въ яѣсколькихъ словахъ свои и по своему желанія и благодаренія, и не видя въ окружающихъ себя ни поддержки, ни сочувствія своей сердечной настроенности, простолюдинъ охладѣваетъ и, убаюкиваемый монотоннымъ чтеніемъ, начинаетъ засыпать и грезить. Не замѣчали ли вы, что иной вдругъ встрепенется и начнетъ невпопадъ учащенно креститься и когда замѣтитъ, что читаютъ Апостолъ или Евангеліе, сконфузится за свои кресты и поклоны и начнетъ оправдываться, чтобы скрыть отъ сосѣдей свое „бесвременное моленіе“ - свою невнимательность.

Изъ всего этого видно, что у насъ въ храмѣ не только нѣтъ единодушія и единства въ молитвахъ, не только каждый молится о своемъ и по своему, у насъ, сколько ни взыметъ церковь, чтобы во храмѣ оставили всякое попеченіе о житейскихъ дѣлахъ, у насъ, говоримъ, многие не только не оставляютъ заботы о необходимыхъ житейскихъ дѣлахъ, — у насъ спятъ и озабочиваются свой умъ и сердце пустыми мечтами, у насъ даже нѣтъ у предстоящихъ единства намѣренія, единства цѣли, съ какою всякий долженъ входить во св. храмъ — молиться. И мыть наши православные, что такое хожденіе въ церковь будетъ спасительно для нихъ! Вспомните, какъ апостолы и св. отцы заботились о единообразіи и благообразіи даже виѣшней стороны богослуженія, чтобы тѣмъ лучше достигнуть внутренняго единенія. Апостолъ сравниваетъ непонятное для

слушателей чтеніе съ бездушными звуковыми орудіями, и поставляетъ даже ниже тѣхъ орудій, которые издають понятные условные знаки: *бездушная глаſъ дающая, аще сопль, аще чусли, аще разнствія писканіемъ не дадять, како разумно будетъ писканіе или гуденіе; ибо аще безвѣстенъ глаſъ труба дастъ, кто употребится на брань?* Тако и вы аще не благоразумно (не понятно для слушателей, и даже не внятно для себя) слово *дадите языкомъ, како уразумъется глаюлемое?* Будете бо на воздухѣ *глаююще....* Если же самъ чтецъ и понимаетъ содержаніе своего чтенія, и тогда не будетъ пользы для предстоящихъ, если они не будутъ понимать: *ты* (когда читаешь и самъ только понимаешь) *добръ благодарши, а другой не спаздается.*

Наконецъ, въ 4-хъ, мы укажемъ проповѣдникамъ на самый обширный, самый разнообразный, самый сподручный, особенно для сельскихъ пастырей, матеріалъ для церковнаго проповѣдничества—это житія святыхъ. У насъ въ проповѣдяхъ почти безъ всякаго вниманія оставляются житія святыхъ, а между прочимъ этотъ способъ проповѣданія ближе всего подойдетъ къ народному пониманію и будетъ оказывать большое влияніе на слушателей, особенно изъ простаго народа. Здѣсь вы не голыми словами и доказательствами будете проводить въ массу народнаго сознанія ту или другую истину; здѣсь самое лицо, самыя дѣянія святаго,—самая жизнь будутъ научать жить по христіански. У насъ на каждый день полагается по нѣскольку житій; возьмите житіе того святаго, который по своей жизни ближе стоитъ къ пониманію извѣстнаго рода слушателей,—взьмите и прочитайте просто одно житіе безъ всякаго съ вашей стороны нравственнаго приложенія къ извѣст-

ному состоянію слушателей, поясните только неудобо-
понятныя мѣста, и вы увидите, съ какимъ вниманіемъ
будутъ слушать предстоящіе вашъ разскажъ о жизни
святаго и какое вліяніе онъ будетъ имѣть на простой
народъ. Народъ нашъ любить слушать житія святыхъ
Божіихъ; самый слогъ житій, самый языкъ близки къ
народному пониманію и уважаются народомъ. Такимъ
способомъ проповѣданія, если вы уже и не объясните
содержанія церковной службы, вы все-таки заставите
народъ дорожить божественною службою, — заставите
чаше ходить въ церковь, по крайней мѣрѣ хоть съ
той цѣлью, чтобы послушать понятное для ума народ-
наго и близкое его сердцу безхитростное, задушевное
описаніе житія святаго.

Отцы и братія! Въ настоящее время, какъ вами из-
вѣстно, враги церкви и царства Божія, съ двухъ сто-
ронъ, съ силою и рвеніемъ стараются поколебать осно-
ваніе церкви и царства Божія на землѣ. Снизу идетъ
дробное и безобразное множество раскольническихъ и
еретическихъ (доморощенаго издѣлія) сектъ; это зна-
мя войны поднимаетъ невозродившееся къ новой жизни
человѣческое сердце, неосмысленное даже разумомъ—
въ людяхъ слѣпаго фанатизма. Сверху поднялъ гордое
свое знамя разумъ человѣческій, который съ дерзкою
самонадѣянностію отвергаетъ всѣ благодатныя средства
и, въ гордомъ самообольщеніи, думаетъ собственными
силами основать на землѣ, по его словамъ, царство
мира и любви, на дѣлѣ же—царство грубаго эгоизма,—
такое царство, которое въ самомъ своемъ основаніи
носить зачатки вражды и ненависти. Силенъ Тотъ, Кто
сказалъ, что и самыя врата ада не одолѣютъ церкви
Божіей: церковь Божія на землѣ стоитъ и будетъ сто-

ять до скончанія міра; но падають ея отдельные чада, что особенно замѣтно въ настоящее время.

Въ образованномъ классѣ, какъ извѣстно, замѣтается большое охлажденіе не къ одной только виѣшности христіанства; но вслѣдствіе непониманія духа и силы христова ученія, люди этого класса холодны вообще ко всему, что содержитъ въ себѣ христіанство. Эта холодность замѣтается уже въ очень многихъ личностяхъ. Правда, это направленіе еще не проникаетъ въ массы народнаго сознанія, плаваетъ только по верху—въ головахъ людей поверхности образованныхъ. За то простой народъ—одна половина его, которая еще не успѣла пережить періодъ поклоненія виѣшности,—не чужда стремленія въ расколъ. И нельзя сказать, чтобы только одна виѣшняя выпрѣвка раскольническаго богослуженія увлекала цѣлую массу въ расколъ. У раскольниковъ есть учителя, которые благовременно и безвременно проповѣдуютъ (по своему) слово Божіе. У нихъ очень сильна энергія къ проповѣднической дѣятельности, а у насъ священники, думая выполнить долгъ священства совершеніемъ только церковнаго богослуженія и „требъ“, мало обращаютъ вниманія на дѣло учительства. Мы, разумѣется, не осмѣливаемся напоминать пастырямъ церкви о ихъ учительской обязанности; имъ самимъ извѣстно изъ слова Божія неоднократное указаніе на учительскую дѣятельность пастырей церкви, для нихъ нарочито въ „сталиной грамотѣ“, въ краткихъ изреченіяхъ выражены все ихъ обязанности. Мы даже не будемъ напоминать и о той пользѣ, какая проистекаетъ отъ *настоятельнаго* проповѣданія Слова Божія; укажемъ только на то, что нерадѣніе многихъ пастырей къ проповѣданію слова Божія произвело то, что народъ иногда не считаетъ

настырей за учителей, а только за совершителей таинствъ и „требъ“. Рѣдко можно встрѣтить такого простолюдина, который бы обратился къ священнику за разрѣшеніемъ недоумѣній въ дѣлѣ вѣры и сомнѣній въ дѣлѣ нравственности. Вы видите, что народъ только „зоветъ поповъ“ для совершения требъ, а именно: давать молитву „душамъ“ новорожденнымъ, крестить эти „души“, сочетать бракомъ взрослыхъ „души“, напутствовать умирающія „души“ и погребать „души умершія“. Болѣе этого вы рѣдко гдѣнибудь встрѣтите. Въ комъ же изъ православныхъ зарождается сочувствіе къ дѣлу религіи, тотъ или самъ начинаетъ читать отъ божественныхъ писаній и понимать по своему, или же слушаетъ какого-нибудь самоучку изъ своей же братіи. Тутъ встрѣчается двоякая опасность для православнаго простолюдина: 1) книги, которыя вращаются въ народѣ, большою частию раскольническаго, или еретическаго (доморощенаго издѣлія) содержанія; 2) самые наставники тоже тайные или явные противники православной церкви. Намъ известны некоторые простолюдины, которые, родившись отъ православныхъ родителей и ревностно посвѣщавшіе храмъ Божій и исполнявшіе всѣ предписанія церкви, попали въ расколъ единственно потому, что умѣли читать. Книгъ, какъ известно, при сельскихъ церквяхъ почти не существовало, кроме богослужебныхъ, которыя нерѣдко даются читать простолюдинамъ (Нынѣ, благодареніе Богу, въ нашей епархіи заведены библіотеки при многихъ церквяхъ; только книгами этими преимущественно пользуется духовенство. Нужно непремѣнно сдѣлать такъ, чтобы изъ церковной библіотеки могли брать книги всѣ прихожане, умѣющіе читать)... Но человѣку, выучившемуся

читать, хочется часто и самому поучиться и другихъ поучить, или просто у него есть потребность — читать. Такой — то человѣкъ и берегъ книги у раскольниковъ; раскольники, разумѣется, являются съ полною готовностью къ его услугамъ. Больше всего тутъ действуютъ тайные раскольники, такъ какъ православный, умѣющій читать, сначала опасается обратиться за книгами къ явнымъ раскольникамъ, чтобы чрезъ чтеніе ихъ книгъ не уклониться въ расколъ. Сначала чтеніе, а потомъ частныя и частныя бесѣды доводятъ такого любопытнаго до отпаденія отъ церкви.

Другая половина изъ простолюдиновъ стремится пополнить еретическія секты — Людей Божіихъ, Молоканъ, Скопцевъ и проч. Къ еретическимъ сектамъ отдаляются тѣ изъ простолюдиновъ, религіозное чувство которыхъ уже не удовлетворяется одною вѣшнотою въ религіи. Ихъ религіозное сознаніе уже пережило периодъ поклоненія природѣ, олицетворенной подъ символомъ того или другаго предмета изъ видимой природы, они уже переходятъ отъ обожанія природы къ обоготворенію человѣка (¹). Люди эти начинаютъ съ того, что отвергаютъ всякую вѣшноть, которая ихъ не удовлетворяетъ и думаютъ служить Богу духомъ и истиною. Они стараются уразумѣть смыслъ писаній, но собственное невѣжество

(¹) Люди развитые доходятъ до этого по естественной логикѣ необлагодатевованнаго ума человѣческаго, и обоготворяютъ умъ; люди неразвитые доходятъ до этого болѣе сердечно и обоготворяютъ сердце, какъ вмѣстилище божества. У насъ въ Россіи обоготвореніе человѣка посѣдѣяло рода. Прочитайте сочиненія Людей Божіихъ, Скопцевъ, прислушайтесь къ учению Молоканъ, вы ясно увидите, что, по ихъ учению, каждый человѣкъ есть живой образъ Бога, „каждый имѣть въ себѣ внутренняго Христа и Св. Духа. Мало того: у нихъ есть Джесаваое — Давила Филипъчъ, Джес-Христосъ — Иванъ Тимоѳеичъ Селивановъ и проч.

и недостатокъ въ опытныхъ учителяхъ заставляютъ обращаться къ тѣмъ изъ своей братіи, которые довольно знакомы съ Божественнымъ Писаніемъ. „Люди Божіи“ бываютъ очень чутки къ такимъ испытующимъ; они приглашаютъ таковыхъ на частные собрания, гдѣ пророкъ читаетъ и объясняетъ Слово Божіе. Внятное чтеніе, наглядное и удобопонятное, хотя и ложное только, восторженная рѣчъ лже-пророка съ первого же раза располагаетъ простолюдина въ ихъ пользу. Таинственные, возбуждающія до духовнаго опьяненія „ночные радвиія“ развиваются въ немъ до послѣдней степени само собой зародившуюся мистичность. Вотъ на такихъ то людей, у которыхъ начинается передомъ, переходъ отъ виѣшности къ внутреннему уразумѣнію христіанской религіи, слѣдовало бы нашимъ пастырямъ обращать побольше вниманія. Эти люди, при опытномъ наставникѣ, могли бы быть самыми ревностными христіанами, самыми лучшими проповѣдниками христіанства и словомъ и житіемъ. Посмотрите, съ какою ревностію они въ своемъ религіозномъ заблужденіи выполняютъ всѣ опредѣленія своей секты, — для нихъ они жизни не щадятъ.

Знать все это — наше дѣло, пастыри — собратія; и сообразно съ этимъ знаніемъ намъ нужно дѣйствовать на свою паству единственнымъ нашимъ оружіемъ — словомъ или проповѣдничествомъ.

Замѣтки для священно- и церковно-служителей.

изъ наблюдений одного сельского благочинного.

Водимый желаніемъ всякаго доброго преуспѣянія возлюбленному духовному сословію вообще, а вамъ прис-

ные братіе въ особенности, я рѣшился набросать на бумагу тѣ случаи и тѣ стороны, въ которыхъ и съ которыхъ начаще и виднѣе выказываются недостатки нашего сельского духовенства, съ цѣллю споспѣшствовать по мѣрѣ силъ своихъ ихъ устраниенію, полагая, что есть между нами погрѣшающіе противъ своего благоведенія въ простотѣ сердца, почти не сознавая самыхъ погрѣшеній, есть полагающіе, что погрѣшности ихъ не замѣтны для другихъ, и есть наконецъ такие, кои погрѣшаютъ съ сознательнымъ навыкомъ. Да не будетъ мое слово въ обиду ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ; но да примется оно въ духѣ любви, яко отъ согрѣшающа и спострадающа.

Но какъ моя небольшая задача состоять въ томъ, чтобы указать на особенно выдающіеся недостатки наши и менѣе замѣчаемые нами самими; то я начну перечень ихъ съ самого виднаго мѣста нашихъ дѣйствій, именно съ церкви и по отношенію къ ней, а потомъ посмотримъ на самихъ себя въ кругу своихъ прихожанъ и своеемъ собственномъ.

A.

1) Отъ священника, какъ настоятеля церкви, зависятъ: весь порядокъ, и всѣ безпорядки въ церкви. Добрый примѣръ имъ подаваемый, тотчасъ, за страхъ-ли, за совѣсть-ли, отпечатлѣвается на прочихъ членахъ причта, и даже на цѣломъ приходѣ. Небреженіе или соблазнъ имъ производимые, у ревнителей по благочестію вызываютъ скорбь, негодованіе; а для остальныхъ—такъ бываютъ заразительны, что свою тлетворную атмосферу разливаютъ на широкое пространство. Но на наше горе встречаются между нами личности, ими же соблазнъ

приходитъ. Я не буду доискиваться причинъ такого прискорбнаго явленія, которыя, какъ кажется, лежать глубже одной нашей привычки къ мѣсту святому, не буду указывать и на случаи положительно порочные, грубые, потому что не вижу въ томъ пользы; а укажу лишь на тѣ недостатки, которые легко могутъ быть устранины. Къ нимъ я отношу: когда священникъ позволяетъ себѣ служить молебны въ подризникѣ безъ фелони и безъ пояса, когда священникъ и діаконъ чаeto и безъ нужды ходатъ въ царскія двери и между царскими дверями и престоломъ; когда причетники облачаются въ стихари и снимаютъ оные на горнемъ мѣстѣ во время священнодѣйствія, трактуютъ въ олтарѣ о своихъ огородахъ, пирушкахъ, или чинять чуть не перебранку, давля доходы; когда входятъ въ храмъ крайне нерашливо, въ непристойной одеждѣ, паче гой обуви; когда не въ пору, не во время бродятъ въ олтарѣ староста, сторожъ и міряне засвѣчать свѣчи, или снимать съ нихъ нагаръ, а иной разъ какъ будто провѣдать, особенно— когда это допускается въ самые важные моменты литургіи, когда во время проповѣди разносять антидоръ, или собираютъ деньги; когда во время совершенія таинствъ, напримѣръ крещенія, допускаются говоръ, шумъ и проч. и проч...

2) Извѣстно, что хорошее пѣніе производить на слушающаго оное необыкновено сильное и благодѣтельное дѣйствіе. Стало быть, худое пѣніе должно производить обратное дѣйствіе, и оно точно его производить. Особенно это послѣднее не желалось бы слышать въ такихъ храмахъ, въ которыхъ оно могло бы быть очень дѣльнымъ, еслибы только обращено было на него хоть сколько нибудь вниманія, или со стороны поющихъ, или

со стороны настоятеля церкви; — когда и довольно даровитые въ пѣніи причетники поютъ небрежно, не благоговѣйно, крикливо, безобразно. Ужъ конечно такое пѣніе не поможетъ нашей бѣдной душѣ справиться съ своимъ беспорядочнымъ состояніемъ при обращеніи ея къ Богу. Не подумайте, что въ деревнѣ нельзя имѣть порядочныхъ пѣвчихъ; лишь не пожалѣйте на этотъ предметъ вашего вниманія, вашего усердія, настойчивости, и вы — съ увѣренностию можно сказать — будете имѣть утѣшеніе слышать пѣніе дѣльное, приличное, или хотя сносное. Неспособны ваши причетники, найдутся способные и изъ прихожанъ, лишь пригласите ихъ, ихъ дѣтей, захотьте, пооприте ихъ — и конечно всего лучше добрымъ вашимъ словомъ, и вы увидите что будетъ!

3) Чтеніе церковное во многихъ храмахъ совершается спѣшно. Всѣ спѣшатъ отъ причетника до священника и при томъ не всегда потому, чтобы скорѣе кончить службу, а просто на просто по дурной привычкѣ. Молящихся утомляетъ не то чтеніе, которое продолжительно да толково, а то, когда они не разберутъ въ немъ ни мысли, ни слова. Еще хуже, когда чтеніе и пѣніе сливаются въ одинъ беспорядочный гуль, или когда одинъ поетъ то, другой-другое и оба вмѣстѣ; когда молитвы и ектеніи читаются невнятно и спѣшно, и иной разъ этотъ спѣхъ выходитъ изъ всякихъ границъ; возглѣсь отъ священника, прокименъ отъ діакона, онъ же и отъ клира и все это вмѣстѣ опять..... Спрашивается: для кого и для чего все это совершаляемъ мы?

4) Проповѣданіе слова Божія есть одно изъ самыхъ важнейшихъ дѣлъ нашего служенія; поэтому необходимо, чтобы оно предлагалось народу свою возможно чаше. Причемъ, если проповѣдникомъ предлагаются свои

поученія, то непремѣннымъ условіемъ ихъ, въ числѣ прочихъ качествъ, должна быть простота, удобопонятность для нашего простаго народа; а то у насъ въ обычай слово назиданія облекать въ такую мудреную форму, въ какой оно никого не назидаетъ, потому что никто его не понимаетъ, а случается даже, что плохо понимаетъ его и самъ проповѣдникъ, и выходитъ, что мы, *хотяще быти законоучителя, не разумьемъ, ни яже глаголемъ, ни о нихъ же утверждаемъ* (I Тим. 1, 7.). Ужь если такія велемудрыя проповѣди оскомину набили и городскому вкусу, то придется ли онъ по складу головамъ нашихъ сельскихъ слушателей? То ли дѣло слышать отъ служителя Божія назиданіе простое, сердечное, задушевное, *слово здравое, незазорное* (Тит. 2, 8.), *слово во благодати, солю растворено!* (Колос. 4, 6.). Изъ готовыхъ поученій, я съ своей стороны не нашелъ лучше, соответственнѣе для поселянъ, по своей лаконической простотѣ, силѣ, теплотѣ чувства—писаній Ефрема Сириня въ русскомъ переводѣ, напечатанныхъ въ твореніяхъ Св. Отцовъ за 1848—49 годы. Остается еще желать, чтобы входящій на каѳедру, не задавался мыслию отличиться, не преславлять бы своей личной (выгоды) славы, а имѣть бы въ виду и вѣчную и временную пользу своихъ слушателей. Только при этомъ условіи, и въ слѣдъ за симъ послѣдуетъ и его собственная слава, уже не суетная.

5) Ранѣе мы говорили о непріятномъ дѣйствіи, производимомъ на сторонняго небреженіемъ служащихъ въ церкви; теперь я за нужное считаю напомнить о неменѣе непріятно дѣйствующимъ и къ сожалѣнію нерѣдко замѣчаемомъ въ служителяхъ олтаря—лицепріатіи. Когда, напримѣръ, они для одного поютъ молебенъ такъ, а

для другаго иначе, или пожалуй и самый благовѣсть совершается не по чести, воздаваемой воспоминаемому святому, а по чести — приходскому имяниннику; самая раздача просфоръ, подъ вліяніемъ подобныхъ побужденій, бываетъ очень соблазнительна, да и мало ли еще что... Приводимые обыкновенно въ оправданіе такихъ поступковъ бѣдность и въ слѣдствіе ея зависимость отъ прихожанъ, аргументы не довольно сильные, чтобы оправдывать, яко *работа наша служенія не токмо есть исполняющая лишенія святыхъ, но и избыточествующая многими благодареніями Богови* (2 Кор. 9, 12.).

6) Въ церкви должна быть соблюдаема строгая опрятность. — Крайне пе хорошо, когда на иконахъ, на стѣнахъ и прочемъ течёта и пыль, пыль и грязь на полу; не хорошо, когда священные облаченія лежать гдѣ и какъ попало, на окнахъ, на столикахъ, на рѣшеткахъ, гдѣ риза, гдѣ стихарь; обидно видѣть тотъ же обиходъ въ отношеніи разныхъ иконъ, когда онѣ разставлены на мѣстахъ не совсѣмъ пристойныхъ; или — когда здѣсь стоитъ бутылка съ елсемъ, тамъ коробка съ свѣчными огарками да ѡе разные сундуки, скамейки, фонари и прочій скарбъ. Чѣмъ менѣе въ церкви ненужнаго, тѣмъ лучше, а все нужное должно быть на своихъ мѣстахъ. Скажете: да кто всего этого не знаетъ — Правда. Однакожъ зачѣмъ же все это ведется?..

7) Хозяйство церковное должно быть ведено съ большою расчетливостію и глубокою обдуманностію. Нерѣдко случается, что иные, или не получивъ эстетического вкуса отъ природы, или не имѣвъ возможности развить его ни наукою, ни образцами, устраиваютъ при церквяхъ такія вещи, которыхъ по истинѣ не желалось бы видѣть не только за дорогія деньги, на нихъ потраченныя, но

хотя бы и даромъ. Возьмемъ для примѣра хоть нашу пресловутую церковную живопись, которая впрочемъ въ большинствѣ для правильности должна быть названа мертвописью, мараньемъ, живописнымъ уродствомъ, пасквилью пародіею на живопись, рассматривать которую безъ волненія въ крови нѣть возможности. Подумаешь невольно: до чего дошло наше искусство! Да и можетъ ли оно быть названо искусствомъ, какъ не въ смыслѣ выпораживанья церковныхъ денегъ самыми недостойными образомъ. До чего не развитъ нашъ вкусъ къ изящному, что одни въ состояніи созидать такое уродство, а другіе—любоваться имъ,—этимъ пачканьемъ, именующимся живописью, да и соревновать одни другимъ, какъ бы не поддаться. „Тамъ написали, напишемъ и мы“⁴. А господа домороценные художники—мертвописцы—того и ждутъ, а пѣть и посовѣтуютъ; они знаютъ какъ зашибить копѣйку, и чуть случай — не ошибутся взять за свои произведенія истинно художническія деньги. Справедливость и долгъ нашъ требуютъ отъ насъ, чтобы мы съ строгостію—впрочемъ благоразумною—относились къ обычной любви прихожанъ къ такого рода украшеніямъ. Говоря это, я ратую только противъ одной невѣжественной живописи, высоко цѣнія истинную. Тамъ, где имѣютъ возможность наслаждаться ею — съ Богомъ! А нѣть, лучше имѣть не многое да хорошее.

Б.

1) Святая Церковь съ посвященіемъ іереевъ передаетъ имъ благодатную власть низводить на другихъ не-посвященныхъ Божіе благословеніе подъ видомъ крестного освѣнія. Но достойно истиннаго сожалѣнія, что

многіе священники, не зная цѣни преподанному имъ церковію неоцѣненному дару, владѣютъ имъ съ явнымъ пренебреженіемъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, лишь стоять посмотрѣть, какъ благословляютъ иѣкоторые священники; да и кто не видаль этого! Какъ иные при этомъ — безцѣльно мотаютъ рукою, что со стороны трудно и опредѣлить, что они творятъ такое. Повторяю, возможно ли не пожалѣть отъ полноты души о такомъ легкомысленномъ взглядѣ на исполненіе своей самой священной обязанности и обѣ оскорблениіи тѣмъ христіанскаго чувства вѣрующихъ! Удивительно ли послать такого презрѣнія къ самымъ лучшимъ учрежденіямъ святой вѣры со стороны хранителей ся скрижалей, видѣть иногда невниманіе и холодность къ ней въ мірянинѣ. И что же? Чѣмъ оправдимся? Не трудностію ли выполненія? — Конечно чѣмъ другимъ, видимое дѣло, когда мы и сами себя не можемъ осѣнить крестнымъ знаменіемъ по надлежашему, не то чтобы другихъ.

2) Словъ иѣть, что положеніе нашего духовенства въ отношеніи средствъ своего содержанія не совсѣмъ нормально. Духовный, если за своею надобностію не исполняетъ надобностей своихъ прихожанъ справедливо осуждается, при исполненіи же обязанностей въ приходѣ, онъ неизбѣжно испытываетъ ущербъ въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ, и это хозяйство, рядовое съ крестьянскимъ, натурально идетъ въ разрѣзъ съ лучшими сторонами его служенія. Наши нужды (разумѣется не общія всѣмъ), иногда крайнія волюющія и ничѣмъ не отвратимыя, заставляютъ насъ насиовать собственную природу свою, — заставляютъ, скрывя сердце, за свои тяжелые труды протягивать благословляющую руку за подаяніемъ — милостынею къ своему прихожанину, кото-

рый послѣ этого по праву становится въ положеніе на-
шего мецената. Но я, господа, затронувъ вашу сердеч-
ную рану, конечно не въ состояніи чѣмъ либо помочь
вамъ; только вотъ почему я заговорилъ обо всемъ этомъ:
терпя нужду, нѣкоторые изъ насъ, сперва съ усиліемъ
съ борьбою ищутъ выхода изъ своего тѣснаго положе-
нія въ помощи прихожанъ; потомъ привыкая къ этому
время отъ времени, дѣлаются менѣе и менѣе разборчи-
выми и совѣстливыми въ выборѣ средствъ *собиранія*, и
наконецъ доходятъ до того, что если тотъ, кто долженъ
бы заплатить, или не столько состоятеленъ чтобы за-
платить, или не столько добросовѣстенъ,—прибѣгаютъ
уже, по выражению одного свѣтскаго лица, и—ко вся-
каго рода прижимкамъ, нажимкамъ и выжимкамъ. Кото-
рыя тѣмъ пошлѣе, чѣмъ безсильнѣе, почти и не замѣ-
чая гадости такихъ мѣръ, лишь бы получить себѣ *сль-
дующее*, а иногда уже и *не сльдующее*. И эти *собиранія*
бывають до безконечности разнообразны, мелочны и
иногда безобразны. Миръ видитъ это, осуждаетъ, недав-
ши себѣ труда вникнуть въ причины такого явленія и
все это обращается въ притчу и глумленіе: а вникаю-
щій міръ компетентный нашелъ даже, что *безъ этихъ
отношеній нашихъ къ своимъ прихожанамъ, порвутся
наши духовные связи съ ними..!?* Такъ что же остается
дѣлать? А ничего, братіе, — болѣе, какъ всею крѣпо-
стію души вооружиться противу нашей бѣдности, гдѣ
она есть, и противу причинъ къ нареканію на наше
имя, и на наше званіе, помня слово Апостола: *Пасите
еже въ васъ стадо Божіе, посыщающее не нуждою, но
волею, и по Бозѣ; ниже неправедными прибытки, но
усердно (І Петр. 5, 2).* Чадо животомъ прославимъ не
живи. *Лучше умрети, нежели просити... Во устьяхъ не-*

стыдливо прощение усладится; а во чревъ ею синь возгорится (Сирах. 40, 29. 32).

3) Не худо бы было, еслибы мы не забывали самой обычной вещи: что если человѣкъ неблагоразумно пользуется гостепріимствомъ и радушнаго хозяина, то сему послѣднему трудно устоять противъ искушения осудить своего гостя; нечего и говорить о менѣе радушномъ, даже радушномъ и т. далѣе, и если дома нужна благоразумная воздержность, то въ людяхъ ее нужно вдвое. Особенno стыдно и грѣхъ быть падкимъ на охмѣляющее. Извѣстное дѣло, лишь стонть священнику показать пріемъ выпиванья, какъ поводы къ нему явятся на каждомъ шагу; отъ этого, сколько мы видимъ — и видѣть всѣ — сценъ самыхъ возмутительныхъ, грязныхъ, совершаемыхъ — о ужасъ! — народными учителями, паstryями, служителями вѣры — Таинствъ Христовыхъ! Можетъ ли быть что либо хуже худыхъ поступковъ отъ такого лица, какъ священникъ! Спасибо нашему времени за то покрайней мѣрѣ, что нынѣ мало-мальски порядочное общество считаетъ пьяного на ряду съ безчестнымъ, и что поэтому нынѣ въ духовномъ сословіи рѣдко слышно о тризнахъ въ честь былого времени съ его воамутительными сценами, происходившими особенно на храмовыхъ праздникахъ, и о которыхъ наши старцы вздыхаютъ какъ о минувшемъ золотомъ времени — поэзіи пѣвучести, веселья, ликованія. Можетъ статься, что между этими празднествами были и приличныя, но тѣ, до коихъ досягаетъ наша память, не стоятъ сожалѣнія.

B.

4) *Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкунь* (Псал. 132, 1). Доброе согласие въ семей-

ствѣ, въ обществѣ, въ государствѣ — неоцѣнимое благо. Духовное сословіе, если въ чёмъ, то особенно въ этомъ должно быть примѣромъ для всѣхъ прочихъ. — Этого отъ него можно желать и нужно требовать. Личности, встрѣчающіяся въ ономъ съ наклонностю къ сварливости, суетничеству, ябедамъ, составляютъ очень большое мѣсто въ организмѣ сословія. *Убо отнюдь ваша срама есть, яко тяжбы имате между собою* (I Кор. 5. 7.). Начальствующій, не допуская своихъ подчиненныхъ до беспорядочной жизни, въ тоже время долженъ быть отцемъ для всѣхъ живущихъ и служащихъ честно, благодушнымъ при видѣ ошибокъ въ своемъ ближнемъ, и до послѣдней возможности снисходительнымъ даже къ слабостямъ его, врачуя ихъ добрымъ порядкомъ, съ состраданіемъ, и лишь въ самыхъ опасныхъ и безнадежныхъ душевныхъ недугахъ прилагать къ нимъ Ѣдкія лекарства. Но прежде всего, самъ онъ долженъ обладать сильнымъ нравственнымъ авторитетомъ, который приобрѣтается умомъ и добротою жизнію, — чтобы врачевать жизни другихъ, и помнить, что иногда довольно разъ уронить себя, чтобы навсегда потерять свое добре вліяніе на другаго. Одною властію, грозою, никто не заставитъ ни уважать себя, ни исполнять какъ должно своихъ требованій, ея лишь будутъ бояться и лицемѣрить.

Подчиненные не должны тяготиться ни преимуществомъ предъ собою начальствующаго, — *безъ всякою пресловія меньшее отъ большаго благословляется* (Евр. 7, 7), ни исполненіемъ его законныхъ требованій. Добрый человѣкъ даже не ограничится исполненіемъ одного требуемаго, онъ постараится сдѣлать болѣе; а грубый, беспокойный, безнравственный вездѣ старается на-

ходить себѣ обиду, и изъ пустаго лѣаетъ или въ драку или въ тяжбу.

Конецъ же завѣщанія моего есть любы отъ чиста сердца! Да будетъ благословенъ Богъ и Отецъ Господа Иисуса Христа, благословивый насъ всячию благословенiemъ духовнымъ въ небесныхъ о Христъ (I Тим. 1, 5. — Ефес. 1, 3).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

**На сайте академии
www.spbda.ru**

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки